

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСУЖДЕННЫХ ЗА ТЕРРОРИЗМ

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия (mr.kazberov@mail.ru).

Аннотация. Проверяется гипотеза, что лица, совершившие террористические преступления, обладают личностными характеристиками, которые свойственны маргиналам. Для проверки гипотезы использовались материалы анкетирования людей, отбывающих в исправительных учреждениях пенитенциарной системы России уголовные наказания за террористические преступления ($N = 1007$), и их тестирования, а также изучались другие характеризующие их материалы, включая тексты судебных решений (приговоров). Установлено, что большая часть основных социально-демографических характеристик, присущих лицам, подвергшимся структурной маргинализации (мигрантность, низкое образование, невысокая трудовая квалификация и т.д.), действительно присутствуют в структуре личности осужденных за терроризм.

Ключевые слова: структурная маргинальность • терроризм • отчужденность • осужденные • идентичность • социальные группы

DOI: 10.31857/S0132162524010128

Постановка проблемы. Понятие «маргинальность» используется для обозначения относительно устойчивых социальных явлений, возникающих на границе взаимодействия различных культур, социальных общностей и структур, в результате чего определенная часть социальных субъектов оказывается за их пределами [Шалагинова, 2012: 1]. Волны реформирования и кризисов современного российского социума, от перестройки и 1990-х гг. до СВО в начале 2020-х гг., обусловили для многих россиян состояние неопределенности в целом и общекультурной дезориентации в частности. Такая социокультурная энтропия ведет к маргинализации части социума.

В социальной психологии состояние неопределенности и вопрос идентичности определяются как важнейшие элементы формирования приверженности индивида (групп) к радикализации, включая принятие идеологии терроризма [Бовин, 2020: 228]. При этом состояние неопределенности, вызывающее актуализацию дистресса, как правило, характерно для общества и его субъектов именно на этапе серьезных общественных изменений [Моросанова, 2022: 78]. При таких изменениях происходит «размытие» ранее существовавших границ социальных групп и слоев, рост числа аутсайдеров, недовольных существующим положением и легко вербуемых в адепты деструктивных организаций радикального толка. Исследователем маргинализации Н.А. Шалагиновой указывается, что «именно маргиналами переживаются наиболее глубокие, принципиальные изменения в социальном статусе, характеризующиеся неопределенностью, потенциальной многонаправленностью социальной траектории, вызванной статусной несовместимостью и социокультурной переориентацией» [Шалагинова, 2012: 18]. Структурная маргинальность проявляется посредством выведения индивидов (их групп) из сферы общественных связей (отношений) из-за происходящих структурных изменений общественных отношений, вызванных войнами, кризисами в экономике, демографическими деструктивными проявлениями и т.д. [Маргинальность ..., 2000: 31].

Эмпирическая база и гипотеза исследования. В качестве гипотезы исследования нами выдвинуто предположение о том, что большая часть основных социологических характеристик, присущих лицам, подвергшимся структурной маргинализации, присутствуют в структуре личности лиц, осужденных за терроризм. Эта гипотеза кажется правомерной, поскольку терроризм – та разновидность девиантного поведения, которая предполагает максимально высокую отчужденность от всех ценностей современного общества (включая ценность жизни людей). Логично предположить, что такую отчужденность будут проявлять в первую очередь социальные маргиналы.

Для выявления и исследования общих характеристик лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера (далее – лиц, осужденных за терроризм), включая их социологические характеристики, авторским коллективом ФКУ НИИ ФСИН России в 2013–2021 гг. проводилась научно-исследовательская работа по сбору эмпирического материала и его интерпретации. Изучаемая выборка включала 1007 лиц, отбывающих уголовное наказание за терроризм в 122 исправительных учреждениях пенитенциарной системы России. В выборку вошло то количество лиц, осужденных за терроризм, в отношении которых удалось получить валидный (достоверный и надежный) эмпирический материал. Выборка экспертно оценивается как репрезентативная по отношению ко всем, совершающим в современной России преступления террористического характера.

Эмпирическим материалом были судебные решения (приговоры) лиц, осужденных за терроризм, материалы из личных дел осужденных, анкетирование осужденных и результаты их психологического тестирования по различным методикам.

Социально-демографические характеристики изучаемой социальной группы.

Анализ результатов анкетирования и личных дел осужденных за терроризм показал, что в основном (87% осужденных) лица, осужденные за терроризм, являются выходцами с Северного Кавказа и из бывших среднеазиатских советских республик в пропорции 2:1. Их участие в террористических преступлениях связано с сепаратистскими настроениями и с религиозным радикализмом, вылившихся в вооруженное противостояние с легитимной властью, которое тянется с 1990-х гг. К числу оставшихся 13% относятся выходцы из различных регионов Российской Федерации, не представляющие статистически значимо какие-либо из этих регионов.

Заслуживает внимания отношение к религии со стороны лиц, осужденных за терроризм: среди них определяют себя атеистами – 2%, проявляют безразличное отношение к религии – 8%, считают себя «просто» верующими – 20%, абсолютно убеждены в своей вере – 70%. Из общего количества тех, кто определил себя верующим, 88% считали себя мусульманами-суннитами, 5% мусульманами-шиитами, 3% – представителями других течений ислама, 4% – православными христианами.

Ислам суннитского направления типичен для народов Северного Кавказа, их высокую долю среди осужденных за терроризм можно рассматривать как следствие радикальных изменений общественных отношений в этом регионе, вызванных, прежде всего, войнами (обе «чеченские кампании»). Войны более всего порождают состояние неопределенности и общекультурной дезориентации. В случае нашего исследования речь идет об идеологической переориентации на теократическое мироустройство лиц, совершавших террористические преступления, нередко исходя из самых благих намерений религиозного толка.

Пребывая в состоянии неопределенности, часто молодые и физически здоровые индивиды испытывают кризис социальной идентичности, являющийся, в свою очередь, возможным путем к радикализации и к распространению идеологии терроризма. Большинство осужденных за терроризм (77%) были осуждены в молодом возрасте: в возрасте 18–24 года – 23%, 25–30 лет – 31%, 31–35 лет – 23%. На момент осуждения более половины из осужденных не имели своих собственных семей: 49% являлись холостыми, в гражданском браке жили 7%, разведены 6%, женаты во второй раз 1%, имели семью только 37%. Более половины (58%) из числа исследованных лиц, осужденных за терроризм, не имели

на момент осуждения детей: 24% – являлись родителем одного ребенка, 12% – двух детей, 5% – трех детей, 2% – трех и более детей.

В основном лица, осужденные за терроризм, обладают хорошим состоянием здоровья и являются работоспособными. Только у 4% из них имеются какие-либо хронические заболевания. Случаи злоупотребления алкоголем признали 11%, вообще не употребляли алкоголь – 45%. Отметим, что имели опыт употребления «легких» наркотиков – 36%, «тяжелых» – 4%.

Большинство из осужденных за терроризм (77%) отмечают, что в детстве воспитывались до совершеннолетия в полной семье. Только каждый пятый (15%) воспитывался ребенком в неполной семье с одним родителем. 6% воспитывались в детских домах. 2% воспитывали родственники. Лишь 14% из числа исследуемых определили материально-бытовые условия в семье родителей (родственников, в детских домах) в процессе их воспитания как тяжелые. В целом свои материально-бытовые условия 44% определили как средние, 25% как удовлетворительные, 17% как нормальные («нужды не испытывал»). Большинство из опрошенных (87%) признали, что процесс и условия их воспитания носили достойный характер. Лишь 12% дали отрицательную оценку процессу и условиям их воспитания в семье, 46% оценили их как средние, 35% как хорошие и 6% как идеальные.

Однако, несмотря на благополучное детство, участи маргинализации осужденным за террористические преступления не удалось избежать. Очевидно, решающую роль сыграли условия не детства, а взрослой жизни. Так, большинство осужденных (77%) признавали в ходе бесед и анкетирования, что являются выходцами из небольших поселков, деревень, кишлаков, а в большие города подались за лучшей жизнью, но эта жизнь оказалась сложной и противоречивой.

Для понимания механизмов маргинализации лиц, совершивших террористические преступления, целесообразно вспомнить теорию маргинальности Э.В. Стоунквиста – идею об идентификации маргиналов как «культурных гибридов», когда маргинал рассматривается как «неадаптированный мигрант, продукт расовой и этнической “гибридизации”» [Stonequist, 1961: 93]. Неадаптированность таких мигрантов очень выразительно представлена в характеристиках образования и трудовой самореализации лиц, осужденных за терроризм. Лишь немногим более половины (62%) имели общее образование (9 классов – 28%) или общее среднее образование (11 классов – 34%). Среди них закончили профессионально-техническое училище (профессиональное училище) 22%, колледж – 5%, техникум – 7%. Высокий уровень образования встречается очень редко: неоконченное высшее образование имели 2%, высшее – еще у 2%.

Данные о трудовой деятельности осужденных за терроризм свидетельствуют о крайне низком уровне профессиональной самоактуализации и самореализации. 60% осужденных ответили, что не имеют какой-либо специальности, профессии как таковой. До осуждения работали лишь 22%, не занимались трудовой деятельностью или не имели постоянной работы – 78%. Напомним, что речь идет в основном о молодых людях самого работоспособного возраста 24–35 лет. Из числа опрошенных 15% ответили, что трудились до осуждения в сфере промышленности, 5% – в сельском хозяйстве и 2% занимались бизнесом.

Соответственно выглядят и данные о трудовом стаже этих людей: более половины (52%) указали на его полное отсутствие, у 15% этот стаж менее 1 года, у 14% – 1–3 года, еще у 14% – 3–5 лет, у 3% – 5–10 лет и только у 2% – более 10 лет. Еще более плачевно у этой категории лиц обстоят дела с профессиональным стажем (стажем по полученной профессии), которого нет вообще у 72%.

Основные выводы. Как видим, образ неадаптированного мигранта вполне соответствует социальным характеристикам лиц, осужденных за терроризм: исповедующие радикальный ислам, они до совершения преступления чаще всего осуществляли миграцию из кишлаков и деревень Северного Кавказа в большие города. В новых культурных условиях больших городов они остались верны своим старым духовным (религиозным) ценностям, проявляя тем самым неадаптированность. Часть осужденных за терроризм

отмечали в интервью, что в своем родном поселении принадлежали к далеко не самому знатному и состоятельному в финансовом отношении тейпу (роду). Как следствие, финансовые трудности и невысокие социальные позиции буквально «заставили покинуть родной край».

Результаты нашего психодиагностического исследования личностных характеристик осужденных за террористические преступления позволили выявить их соответствие комплексу личностных характеристик маргинала, разработанному Т. Шибутани [Шибутани, 2002: 114]. Как и маргиналы у Т. Шибутани, лица, осужденные в России за терроризм, испытывают сложности в адекватной самооценке, постоянно подвергают сомнению свою социальную значимость, испытывают неопределенность в социальных отношениях, боятся быть отвергнутыми. Эти лица также чрезмерно мечтательны и живут в мире фантазий, часто мистического, религиозного характера.

Итак, исследование социально-демографических характеристик лиц, осужденных за террористические преступления, позволяет сделать вывод, что они действительно обладают характеристиками, свойственными маргиналам. Гипотеза нашего исследования, таким образом, нашла свое подтверждение. Пожалуй, все основные социологические характеристики, состояния и ситуации, присущие лицам, подвергшимся структурной маргинализации, определенные в исследованиях ведущих социологов, присутствуют в структуре личности террористов. К их числу относятся: неразрешенность индивидуальной и групповой идентичности, переживания и направления на изменение социального статуса (аспект социальной стратификации), потребность в социокультурной переориентации, переживание последствий войн и сопутствующих им кризисов (экономических, социальных и т.д.), сомнения в своей личной ценности и неопределенность социальных связей, социальная неадаптивность мигранта, социальная мобильность. На наш взгляд, из различных теорий маргинальности, в контексте полученного эмпирического материала, наиболее полно способствует пониманию механизмов маргинализации лиц, совершивших террористические преступления, теория Э. Стоунквиста – прежде всего, его идея об идентификации маргиналов как «культурных гибридов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бовин Б.Г. Вовлеченность в террористическую деятельность в России и мире: от психологических к социально-психологическим факторам // Вестник РУДН. Сер.: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 2. С. 227–246.
- Маргинальность в современной России. М.: МОНФ, 2000.
- Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция как метаресурс преодоления различных ситуаций неопределенности // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: Мат. Межд. юбил. науч. конф., посвященной 50-летию создания Института психологии РАН, 16–18 ноября 2022 г. М.: ИП РАН, 2022. С. 62–78.
- Шалагинова Н.А. Социальная маргинальность: характерологические свойства и типологические признаки. Автореф. дисс. ... к. филос. н. Ростов н/Д, 2012.
- Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н/Д: Феникс, 2002.
- Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. N.Y.: Russell & Russell, 1961.

Статья поступила: 13.11.23. Финальная версия: 10.01.24. Принята к публикации: 16.01.24.

SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF PERSONS CONVICTED FOR TERRORIST CRIMES

KAZBEROV P.N.

Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service», Russia

Pavel N. KAZBEROV, Cand. Sci. (Psych.), Leading Researcher of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service», Moscow, Russia (mr.kazberov@mail.ru).

Abstract. The publication analyzes the conformity question of the personal characteristics of people convicted of terrorist crimes with the main characteristics of the outcasts represented in sociology. In the process of studying the general characteristics of this category of persons, which included a sociological characteristic, empirical materials were obtained that allow us to put forward a working hypothesis that persons who have committed terrorist crimes have personal characteristics that are mainly characteristic of marginals. In addition to the empirical materials of structured interviews with the studied persons, this hypothesis was supported by the materials of questionnaires, testing, as well as the results of studying all the available materials characterizing them, including the texts of court decisions (sentences). Thus, according to the results of a study of the sociological characteristics of persons convicted for terrorist crimes by comparing their own results with the available theoretical and practical results of studying the emergence and manifestation of structural marginality, it was found that the studied persons do indeed have sociological characteristics characteristic of the marginalized. It has been established that most of the main sociological characteristics, conditions and situations inherent in persons subjected to structural marginalization, identified in the studies by leading sociologists, are present in the structure of the personality of people convicted of terrorism. This state of affairs opens up new possibilities in determining and implementing a corrective, corrective impact on the personality of those convicted of terrorist crimes.

Keywords: structural marginality, sociological characteristics, persons convicted of terrorist crimes, uncertainty, alienation, migration processes, identity.

REFERENCES

- Bovin B.G. (2020) Involvement in terrorist activities in Russia and the world: from psychological to socio-psychological factors. *Vestnik RUDN. Ser.: Psihologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics]. Vol. 17. No. 2: 227–246. (In Russ.)
- Marginality in modern Russia.* (2000) Moscow: MONF. (In Russ.)
- Morosanova V.I. (2022) Conscious self-regulation as a meta-resource for overcoming various situations of uncertainty. In: *History, modernity and prospects for the development of psychology in the system of the Russian Academy of Sciences: Proceed. of the Intern. Anniver. Scient. Conf. dedicated to the 50th anniversary of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, November 16–18, 2022. Moscow: IP RAN: 62-78. (In Russ.)
- Shalaginova N.A. (2022) *Social marginality: characterological properties and typological features.* Abstract of a diss. ... cand. of philos. sci. Rostov-on-Don, 2012. (In Russ.)
- Shibutani T. (2002) *Social psychology.* Rostov-on-Don: Feniks (In Russ.)
- Stonequist E.V. (1961) *The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict.* New York: Russell & Russell.

Received: 13.11.23. Final version: 10.01.24. Accepted: 16.01.24.